

литературномъ языкѣ. Иносказательный языкъ, „эзопскій“, какъ его называютъ сатирикъ, давно уже составляетъ особенность нашей литературы. Вотъ этотъ-то иносказательный языкъ и надо дешифровать, чтобы понять истинный смыслъ статей Пушкина о Радищевѣ. И затѣмъ авторъ подробно разбираетъ обѣ статьи Пушкина по ихъ содержанію и способу выраженія, и приходитъ къ полной увѣренности, что въ обѣихъ статьяхъ гораздо меньше возраженій и осужденій Радищева, чѣмъ скрытаго полу-высказаннаго сочувствія; что, говоря о такомъ опасномъ предметѣ, какова была книга Радищева, писатель 30-хъ годовъ долженъ былъ употребить всѣ предосторожности, долженъ былъ снять съ себя, въ глазахъ цензурныхъ судей, всякое подозрѣніе въ сочувствіи къ заблужденіямъ Радищева; и если только цѣною отреченія отъ этихъ заблужденій онъ могъ пріобрѣсти право что-нибудь сказать о Радищевѣ, то понятно, какъ мы должны смотрѣть на статьи, писанныя въ подобныхъ условіяхъ. Пушкинъ, какъ извѣстно, даже не получилъ этого права говорить о Радищевѣ. Авторъ приводитъ рядъ выраженій Пушкина, которые должны пониматься, именно, какъ вынужденныя. Напр., Пушкинъ прочелъ книгу случайно, отъ дорожной скуки; книга оказалась скучная—г. Якушкинъ справедливо замѣчаетъ, что Соболевскій (у котораго Пушкинъ будто бы взялъ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“) на самомъ дѣлѣ и у себя дома, безъ сомнѣнія, держалъ эту книгу, тайно и запрятавъ ее, и Пушкинъ не взялъ бы ее въ дилижансъ; книга „скучная“, потерявшая свою „заманчивость“, разумѣется, не можетъ быть опасна. Далѣе, въ книгѣ есть „дерзость выраженія“, но эта дерзость была неподлежащій спору фактъ, бывший причиною ея осужденія, и т. п. Во всемъ этомъ г. Якушкинъ видитъ только неизбѣжные эпитеты, обязательныя фразы, ширмы, за которыми Пушкинъ пряталъ свою настоящую мысль, но которыя не говорятъ ничего существеннаго о самомъ содержаніи книги. Но только принявъ все это въ расчетъ, и можно, по мнѣнію автора, угадать настоящую мысль Пушкина. Къ этой „скучной“ книгѣ Пушкинъ возвращается, однако, нѣсколько разъ; два раза пишетъ о ней цѣлыя статьи, разнымъ образомъ подступая къ этой темѣ; дѣлаетъ изъ книги обширныя выписки и, когда приводитъ ея настоящія существенныя мысли, то далеко не прилагаетъ къ нимъ тѣхъ укориженныхъ эпитетовъ, какіе дѣлалъ раньше неопредѣленно и огуломъ,—напротивъ. Собственно говоря, Пушкинъ только три раза возражаетъ Радищеву: во-первыхъ, о Ломоносовѣ (здѣсь дѣло идетъ не объ общественныхъ убѣжденіяхъ Радищева, а объ литературныхъ), потомъ о цензурѣ (Пушкинъ признаетъ ея необходимость), наконецъ, объ этикетѣ (Пушкинъ считаетъ придворный этикетъ нужнымъ); но и здѣсь многія мысли